

The poster features a composite image. The upper half shows a close-up of actor Chingiz Abdullayev, looking intensely to the left. He has dark hair and a light beard, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. A handgun is visible tucked into his waistband. The lower half shows a soldier in camouflage gear, seen from the side, aiming a rifle. The background is a dramatic sky with dark, swirling clouds and a bright, low sun or moon on the horizon, creating a silhouette effect on the soldier and some sparse vegetation in the foreground.

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

НЕ БУДИТЕ СПЯЩЕГО УБИЙЦУ

ЗАСТЕНЧИВЫЙ МОТИВ КРОВИ

Чингиз Абдуллаев

Застенчивый мотив крови

«PEN-клуб»

2013

Абдуллаев Ч. А.

Застенчивый мотив крови / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2013

ISBN 978-5-699-67616-3

Профессор Максуд Намазов влачит жалкое существование: у него мизерная зарплата, его не уважают коллеги и ни в грош не ставит жена. Он подавлен и унижен. Но однажды все меняется. Из Дагестана приезжает двоюродный брат Максуда, спецназовец Салим. Он сообщает, что дома, в горах, активизировались кровные враги их семьи и пришло время собрать всех мужчин Намазовых, чтобы защитить род. Максуд нехотя соглашается – какой из него воин?! Но оказывается, что как раз воин из профессора первоклассный. Как только Максуд берет в руки оружие, в нем просыпается инстинкт сильного и безжалостного горца. Некогда слабый, затюканный научный сотрудник неожиданно для всех преобразается в хладнокровного убийцу...

ISBN 978-5-699-67616-3

© Абдуллаев Ч. А., 2013

© PEN-клуб, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Застенчивый мотив крови

Никогда ранее за всю историю ведовства и сношений с Дьяволом никому и не снился такой чудовищный Голем – псевдоодушевленный полиморф. Нет-нет, не всем известный искусственно сотворенный раб из еврейской легенды, чудовищный сгусток зверской жестокости, которая глубоко в душе знакома каждому, даже самому лучшему из нас. Фрейд называл это «Id» – неосознанным источником инстинктивной энергии, требующей дикого животного выхода.

Альфред Бестер «Голем 100»

Замысливать планы мести и осуществлять ее – значит испытать сильный припадок лихорадки, который, однако, проходит, но размышлять о мести, не имея ни сил, ни мужества осуществить ее, – значит носить в себе хроническую болезнь, отравляющую душу и тело.

Фридрих Ницше

Глава 1

Первое, что он услышал в это утро, было недовольное ворчание супруги, которая уже в который раз напоминала ему, что им нужно поменять холодильник. Максуд недовольно открыл глаза. Сколько можно говорить по этому поводу: у них два холодильника, и не нужно каждый раз напоминать ему о таких мелочах. На часах было около восьми. Сегодня, кажется, четверг, вспомнил Максуд, и ей не нужно идти в школу, где она работает преподавателем биологии. А ему нужно к девяти на работу, и он мог бы поспать еще минут пятнадцать. Он привычно поднимался в пятнадцать-двадцать минут девятого, тратил около пятнадцати минут на утренний моцион, бритье и быстрый завтрак, чтобы без двадцати девять выйти на улицу. Конечно, ему повезло, что они жили напротив станции метро. Он переходил дорогу, входил в метро на станции «Тургеневская» и за пятнадцать-двадцать минут доезжал до своего института, который находился недалеко от станции метро «ВДНХ». Пешком за несколько минут он оказывался у здания института. Ему даже немного завидовали коллеги. Некоторым приходилось стоять в утренних пробках по полтора часа, пока автобусы или их собственные машины доезжали наконец до места работы.

Максуд Намазов – доктор физико-математических наук – работал в одном из тех закрытых институтов, которые еще сохранились после распада Советского Союза и появления на карте новой демократической России. Новой стране также нужны были новейшие вооружения, оборонная промышленность и передовые технологии для армии. Этими проблемами традиционно занимался институт, где работал Намазов. Начало девяностых – сложные времена, когда финансирование почти закончилось, некоторые сотрудники – кандидаты и доктора превратились в мешочников и спекулянтов, выезжая за товаром в Турцию, а оставшиеся в Москве пытались какими-то немыслимыми способами выживать на смешные зарплаты... В те годы институт жил исключительно за счет аренды, сдачи сразу трех этажей своего основного здания различным кооперативам. Разумеется, ни о какой секретности и речи не могло быть, когда в институт, занимавшийся проблемами обороны, легко мог зайти любой посторонний с улицы, мотивируя это необходимостью попасть в одну из организаций, арендующих три этажа девятиэтажного здания. В середине девяностых отчаявшиеся сотрудники института написали коллективное письмо премьер-министру. Уже стоял вопрос о закрытии института, когда премьер

выделил нужные деньги для развития. На дворе был конец девяносто шестого. Следующий год, казалось, упрочил надежды, институт получил наконец решение о восстановлении государственного финансирования. Но в девяносто восьмом произошел оглушительный дефолт, и, казалось, все рухнуло навсегда. Однако и здесь «повезло». Ставший премьер-министром Евгений Примаков возглавлял до этого Министерство иностранных дел и внешнюю разведку страны. Он хорошо представлял, какими важными разработками занят институт и какой большой интерес к нему проявляют различные страны, в том числе и спецслужбы. Поэтому было принято принципиальное решение об удалении всех арендаторов и выплате всех необходимых институту средств.

Уже при новом президенте Владимире Путине институт еще более укрепили, выделив дополнительные площади за городом и средства для проведения экспериментальных работ. Нулевые годы стали временем подлинного возрождения института, когда наконец-то появились новые заказы, большие деньги и перспективы развития. Намазов начал получать приличную зарплату... Плюс зарплата жены... Теперь можно было относительно нормально существовать.

Максуд приехал в Москву после окончания школы, которую окончил с золотой медалью... Мечтал поступить в знаменитый МВТУ имени Баумана, откуда выходило большинство будущих ученых, космонавтов. Получив пятерку на первом экзамене, он автоматически был зачислен в это высшее учебное заведение... Студенческие годы пролетели быстро. И вот с новеньким дипломом прибыл в оборонный НИИ... Восемьдесят шестой год... Тогда ему исполнилось только двадцать два года и перспективы казались особенно радужными.

В двадцать пять он защитил кандидатскую диссертацию и женился на дочери своего научного руководителя – члена-корреспондента Академии наук Зайцева Вениамина Платоновича. Его миловидная дочь понравилась Максуду, еще когда он учился в МВТУ. Она часто приезжала к отцу, который работал заведующим кафедрой и уже тогда выделял среди своих учеников Намазова. Жена Зайцева была кабардинкой, и, может, поэтому он так благосклонно отнесся к стремлению Намазова познакомиться с его дочерью. Лариса оканчивала биологический факультет МГУ, и ей грозило распределение на работу куда-то в Северный Казахстан. Разумеется, ни ее родители, ни она сама этого очень не хотели. К этому времени Максуд уже несколько раз встречался с девушкой, она ему нравилась. Лариса, чтобы не уезжать в Казахстан, сама полусерьезно, предложила оформить их отношения... Он сразу согласился, и уже в начале мая они зарегистрировались...

Сама свадьба состоялась только в сентябре; очевидно, родители все-таки решали, стоит ли соглашаться на подобный мезальянс, ведь угроза вынужденного распределения уже миновала. Но Лариса настояла на своем, и в сентябре состоялась пышная свадьба. Тесть подарил зятю и своей дочери хорошую трехкомнатную квартиру в районе метро «Аэропорт», куда они и переехали сразу после свадьбы.

Через год родилась Арина, которую называли так в честь матери Вениамина Платоновича, бабушки Ларисы. Казалось, что все идет прекрасно. Молодой кандидат наук Максуд Намазов имел московскую прописку, был кандидатом наук, зятем самого Зайцева и проживал в прекрасной трехкомнатной квартире в центре города. Но за окнами был уже девяностый год. Начались проблемы даже с детским питанием, невозможно было купить многие продукты. В девяносто первом распалась страна, а в начале девяносто второго, после того как правительство Гайдара отпустило цены, зарплата Намазова составляла всего восемь долларов. Лариса сидела дома с ребенком, и если бы не помощь ее отца, они бы просто умерли с голода. Приходили посылки и из Махачкалы, от родителей Максуда, которые в эти трудные годы тоже поддерживали своего сына. Но это были очень трудные годы. Намазов не стал мешочником, пренебрежительно отвергая любые предложения заняться подобным «бизнесом». В отличие от многих своих коллег он занимался наукой, искренне полагая, что рано или поздно она кому-то пона-

добится. В девяносто восьмом, в возрасте тридцати четырех лет, он защитил докторскую диссертацию. Тесть был безумно рад, но Лариса устроила дома очередной скандал, заявив, что было бы гораздо лучше, если бы муж занимался бизнесом, а не этой глупой наукой, которая ничего, кроме «грошей», не дает. Она всегда приводила в пример их общего друга – Костю Хохлова, который бросил аспирантуру, не доучившись, отказался защищаться и занялся бизнесом, продавая ширпотреб из зарубежных стран, в основном из Польши и Венгрии. Намазов всегда говорил, что Костя загубил свой несомненный талант. Среди оставшихся в институте молодых сотрудников имя Константина Хохлова стало своеобразным символом стяжательства. Однако Хохлова это мало волновало, и уже через несколько лет он стал достаточно состоятельным человеком, а в нулевые даже построил два больших супермаркета... Купил роскошный «БМВ», построил дачу за городом, переехал в новую квартиру, женился на длинноногой модели, занявшей какое-то престижное место в московском конкурсе красавиц. Лариса всегда ставила его в пример своему неудачливому мужу, который, став доктором наук, по-прежнему мог существовать только на помощь, присылаемую из Махачкалы, и деньги, которые выдавал отец Ларисы.

Может, поэтому у них так и не появилось больше детей. Лариса категорически отказывалась рожать, ядовито напоминая, что и первого ребенка они смогли содержать только за счет ее родителей. И рожать второго ребенка, когда зарплата мужа не позволяла им нормально существовать, было бы крайне безответственным поступком. С годами Максуд, мечтавший о сыне, смирился с тем, что больше детей у них не будет. Наблюдая за другими семьями, он пришел к твердому выводу, что если в семье один ребенок, то это либо медицинские проблемы с женщиной, либо плохие отношения в семье между супругами. Отношения с Ларисой в девяностые были не просто плохими, а очень плохими. Он часто ночевал на диване в кабинете, куда она врвалась, чтобы устроить очередной скандал.

Она все время напоминала ему, что эта квартира подарена отцом, и кабинет, который имеет Максуд, был тоже оборудован за счет ее родителей. При этом она каждый раз кричала, что у ребенка нет детской, тогда как он, неудачник, занял лучшую и светлую комнату. Несколько раз Максуд собирал чемодан, уходил из дома и ночевал у друга Лени Альтмана. Но каждый раз возвращался, когда Лариса звонила и просила его вернуться. Она была несколько истеричной женщиной, подверженной приступам гнева. Однако она по-своему ценила мужа, которого хвалил ее отец, уверяя, что Намазов еще станет академиком. На нее сильное влияние оказывала и мать, души не чаявшая в своем зяте. Она каждый раз уговаривала дочь первой позвонить мужу и помириться с ним. Все эти скандалы закончились тем, что кабинет переоборудовали в комнату девочки, хотя Арина почти все время жила у бабушки с дедушкой, где в большой четырехкомнатной квартире у нее тоже была своя комната. Но чтобы не усугублять отношений с женой, Максуд перевез часть книг на работу, часть просто выбросил или раздарил друзьям. А большую часть подарил Леониду Альтману, с которым работал в одном институте уже много лет.

Летом жена, забрав дочку, отдыхала на даче у родителей, куда иногда приезжал Максуд. Он почти никогда не оставался на даче, чтобы не давать возможности Ларисе устраивать скандалы в присутствии ее родителей. Иногда отец покупал дочери и внучке какой-нибудь заграничный тур, отправляя их в Прагу или Стамбул. Разумеется, никто и не думал предлагать такую поездку самому Максуду. Когда наконец-то Намазов стал получать приличную зарплату, а устроившаяся на работу в школу Лариса начала самостоятельно зарабатывать, они позволили себе обновить дома мебель, технику, купить необходимые предметы обихода. В две тысячи седьмом Арина поступила на филологический факультет МГУ. Она по-прежнему жила у бабушки с дедушкой, иногда появляясь у родителей. Чаще всего она появлялась дома, чтобы попросить деньги у отца. Максуда более всего на свете раздражало, что Лариса с первого дня их

совместной жизни обращалась к нему по фамилии, называя Намазовым. Эта привычка передавалась и дочери, которая почти никогда не называла его папой...

Через год Максуд Намазов и Леонид Альтман получили Государственную премию за свои разработки в области оборонной техники. Их поздравлял весь институт. Тесть собрал своих друзей-академиков, чтобы отметить событие. Единственный человек, который отнесся к этому достаточно равнодушно, – была Лариса. Ее интересовала только финансовая часть премии, только деньги, на которые она сделала долгожданный ремонт в квартире и поменяла мебель. Самое поразительное, что она так и не появилась на банкете в честь успеха своего мужа... И два лауреата – Намазов и Альтман – сидели без своих жен.

Когда Арина оканчивала институт, уже не было никакого распределения, но дедушка снова постарался, и внучка получила место в Институте мировой литературы. Директором института был Феликс Феодосиевич Кузнецов, старый друг дедушки, который с удовольствием согласился помочь внучке Вениамина Платоновича. За год до этого умерла бабушка Арины, мать Ларисы, которая всю жизнь пыталась сглаживать конфликты между дочерью и зятем. У нее нашли неоперабельную онкологию, и она «сторе́ла» буквально в несколько месяцев. Зайцев остался один. Его сын – Федор, уже пятнадцать лет проживал в Соединенных Штатах, в Сиэтле, став гражданином этой страны и женившись на американке. Детей не завели, жена была старше Федора на четыре года, и они раз в несколько лет приезжали в Москву, чтобы навестить родственников. Но в последние годы почти не появлялись, позволив себе приехать только на похороны.

Арина теперь жила все время с бабушкой. Лариса тоже довольно часто ночевала у них. Однажды Максуд предложил восстановить свой кабинет, на что получил едкое замечание, что ему достаточно и служебного кабинета, в котором он зарабатывает свои «гроши». Больше к этому вопросу они не возвращались, и он часто оставался по ночам один, так как супруга уезжала ночевать к своему отцу. Вениамин Платонович работал с зарубежными компаниями еще в восьмидесятые годы, получая деньги даже в иностранной валюте, что позволило ему не только достойно существовать в начале девяностых, но и помогать своим детям. Ему уже шел восьмой десяток, но он сохранял ясность мышления, продолжая работать заведующим кафедрой в своем университете.

Он дважды выдвигался в академики, но оба раза не набрал достаточного количества голосов. Зайцев уверял всех, что это происходило по вине коллег, не простивших ему успешных заработков в конце восьмидесятых. Он всегда был очень практичным и деловым человеком, хотя и считался достаточно успешным ученым. Как бы там ни было, он оставался членом-корреспондентом наук и уже несколько раз намекал своему зятю, что необходимо думать о продолжении научной карьеры. В сорок девять лет Максуд Намазов был доктором наук и довольно успешным ученым, чьи разработки широко использовались во многих закрытых темах оборонной промышленности.

В прошлом году Вениамин Платонович позвонил зятю и пригласил его приехать на кафедру для важного разговора. Максуд удивился, но, привычно послушавшись, приехал к тестю. Вениамин Платонович долго расспрашивал о работе и перспективах их института, вызывая еще большее недоумение зятя. И только через несколько минут решил перейти к основной теме их беседы. Это случилось ровно через два месяца после смерти его жены.

– Понимаешь, Максуд, – вздохнул Зайцев, – после того как я потерял супругу, я остался совсем один. Федор сейчас в Америке, уже получил гражданство и понятно, что никогда больше сюда не вернется. Его жена, старше его и, видимо, не собирается рожать, так как у нее есть мальчик от первого брака. А у меня теперь только внучка Арина, которая практически всю жизнь жила рядом с нами. Ты сам помнишь, что все эти годы мы бескорыстно помогали вам и Арина все время жила у нас.

– Конечно, помню, – вежливо согласился Намазов, – и я вам очень благодарен за вашу помощь.

– Надеюсь, что ты действительно это ценишь и помнишь, – сказал Вениамин Платонович, – и у тебя появилась возможность это доказать. Дело в том, что я хочу удочерить Арину. Понимаешь? Я могу завещать ей свою квартиру, дачу, машину – в общем, все свое наследство. Ты меня понимаешь?

– Да, конечно, – пробормотал несколько ошеломленный Максуд, но вы можете оставить все своей дочери и через нее – своей внучке, если хотите, конечно.

Он все еще не понимал, к чему клонит тесть.

– Можно и так, – поморщился Зайцев, – но дело не только в наследстве. Ты сам понимаешь, какие сейчас времена. У вас в Дагестане практически каждый день кого-то убивают. У нас в Москве тоже беспокойно. А здесь девочка, которая устроилась на работу в такой известный институт, проходит как Арина Максудовна Намазова. Все думают, что она непонятно кто по национальности. Ты меня извини, но иногда выглядит даже смешно, когда эта девочка говорит, что она моя внучка.

Максуд не видел в этом ничего необычного. У Арины были смуглая кожа, она была похожа на отца, и удивительно зеленые глаза, как у ее бабушки, матери Максуда. Однако овал лица у нее славянский, и она похожа на Ларису, которая в молодости была достаточно привлекательной девушкой.

– Но это ее фамилия, ее отчество, – удивился Намазов, – мы же не можем их поменять.

– Можем, – сказал тесть, – я удочерю Арину, и она станет Зайцевой Ариной Вениаминовной. Согласись, что так звучит гораздо более благозвучно. Мне тоже будет приятно, в мире останется кто-то из Зайцевых. И девочке легче. Ты знаешь, что я не националист. Жена у меня была кабардинка, и мы прожили с ней душа в душу почти полвека. И против тебя я никогда не возражал. Но девочке будет лучше, если она дальше станет Зайцевой. Ты знаешь, как она стеснялась своей фамилии в институте. Она мне сама об этом рассказывала. Очень переживала, но вам не говорила. Многие даже не верили, что она внучка Зайцева, – повторил он. – Ты меня понимаешь?

Максуд ошеломленно кивнул. Он впервые подумал, что ни жена, ни дочь никогда не говорили ему о такой проблеме, хотя супруга оставила свою фамилию. Несколько лет назад, когда они встречались с друзьями, на встречу приехал и друг семьи Намазовых прокурор Руфат Ширалиев. Он подошел к Максуду, пожал ему руку, когда рядом оказалась Лариса. Она представилась как супруга Намазова и назвала себя – Лариса Зайцева.

– Безобразие, – притворно вздохнул Руфат, – что делать с нашими женами, ума не приложу. Моя супруга тоже оставила свою фамилию...

– Безобразие? – нахмурилась, не понявшая юмора Лариса.

– Лошадь Пржевальского взяла его фамилию, – пояснил Руфат, – а наши супруги не хотят брать фамилии мужей. Просто безобразие.

Все вокруг рассмеялись его шутке. Но Лариса явно не оценила юмора. Она отошла от них и весь вечер как-то странно смотрела на мужа. Может, уже тогда она размышляла о том, что дочери лучше сменить фамилию и отчество. Максуд подумал, что это могла быть идея его супруги.

– Что я должен сделать? – с некоторым вызовом спросил он. – Отказаться от своей дочери?

– Нет, – ответил Зайцев, – ты ее отец, и этого права у тебя никто не отнимает. Просто я ее удочерю, чтобы не возникало в будущем проблем с наследством. Кто знает, может, эта американская жена моего сына завтра подаст на развод и потребует часть имущества своего бывшего мужа, который сможет претендовать и на мое наследство? Я думаю, что так будет правильно. И для самой Аришки. Так будет удобнее. И ей позволит чувствовать себя достаточно комфортно.

– А она сама знает?

– Конечно. И с Ларисой я тоже советовался.

– Не сомневаюсь, – ответил Максуд, – и она, конечно же, не была против. Может, это была ее идея?

– Не нужно так, – попросил тесть, – ты знаешь, в каком она сейчас состоянии. Потеряла мать... Ей сейчас и так очень тяжело. Ты должен быть рядом, поддерживать ее, соглашаться с ней.

– Это я делаю всю свою жизнь, – сказал Намазов, – если у вас больше нет ко мне никаких предложений, позвольте я вернусь на работу.

– Значит, ты согласен? – спросил Вениамин Платонович.

– Делайте как считаете нужным, – ответил Максуд и вышел из кабинета.

Вечером он спросил Ларису, знает ли она о предложении отца.

– Знаю, конечно, – спокойно ответила Лариса, – я не понимаю, что тебя удивляет? Это нужно было сделать давно, еще когда она меняла паспорт, но моя мать категорически не соглашалась, считая, что у девочки должен быть родной отец и твоя фамилия. Она сама взяла фамилию моего папы и всегда говорила, что мы обязаны гордиться его фамилией. Хотя, если честно: какой ты отец? Все для нее делал мой папа. И квартиру нам сделал, и нас содержал, и ее тоже. Ты должен его благодарить, что он хочет оставить все наследство Арине. У тебя появилась редкая возможность – хоть как-то отблагодарить моего отца за все эти годы твоей бестолковой жизни.

– Замолчи, – закричал, теряя терпение, Максуд.

– И не нужно на меня орать, Намазов, – сразу встрепенулась Лариса, – ты сам все прекрасно понимаешь. Меня всегда трясло, когда я слышала, что моя дочь Арина Намазова. Только этого не хватало. Меня, тогда глупую девчонку, уговорила выйти за тебя замуж моя глупая мать, которая всегда была от тебя в восторге. Нашла своего земляка-кавказца.

– Ты хотя бы об умершей матери так не говорила, – махнул рукой Намазов.

– А ты меня не упрекай. Думаешь, почему она так рано ушла? Это из-за наших отношений. Она все видела, все понимала. Я месяцами у них на даче одна живу, без мужа. А я, между прочим, молодая женщина. Мне только сорок шесть лет. И мы до сих пор сидим на шее у моего отца. А тебе через год – пятьдесят. И ты загубил мою жизнь. Типичный неудачник. Тебе самому не стыдно? Теперь хочешь загубить жизнь нашей дочери?

– Делайте что хотите, – отмахнулся Максуд, выходя из комнаты.

С Ариной он не стал ничего выяснять. Было слишком больно. Через два месяца дочь стала Ариной Вениаминовной Зайцевой...

Сегодня был один из тех немногих дней, когда Лариса ночевала дома и уже с утра стала укорять мужа, что второй холодильник почти не дает холода.

– Нужно купить нормальный холодильник, – уверенно говорила она, – или у тебя опять нет денег и мы пойдем побираться к отцу?

– Сколько стоит холодильник? – устало спросил Максуд, уже понявший, что нужно вставать. Она все равно не даст ему уснуть.

– А ты не знаешь?

– Сто или двести долларов? Возьми и купи.

– Намазов, ты совсем сошел с ума в своем дурацком институте. Хороший холодильник стоит не меньше тысячи долларов. Неужели даже такой элементарной вещи ты тоже не знаешь...

– Мы же хотели накопить деньги для покупки машины для Арины, – напомнил Намазов.

– Машину ей подарит мой отец. А ты дай деньги на новый холодильник.

– Я сниму с карточки и вечером оставлю тебе на тумбочке, – решил Максуд, – у тебя все? Или я должен еще выслушать порцию твоих оскорблений?

– Ты сам заслужил все эти слова, – еще больше разозлилась супруга, – пока другие люди стали миллионерами, ты все еще сидишь в своем дурацком институте. Все штаны протер за двадцать с лишним лет. Общаешься с дегенератами и такими же неудачниками, как ты сам.

– Это все из-за холодильника?

– Нет. Это все из-за тебя, – взвизгнула она, – четверть века я живу с неудачником. Скоро уже двадцать пять лет. Ничего не позволяю себе купить, хожу в тряпье, не могу позволить себе даже новый холодильник, чтобы продукты не портились. Каждый раз думаю, будут ли у тебя деньги. Или снова придется кланяться у моего отца. У меня развился «синдром нищенки» из-за тебя.

– Почему? – возразил Максуд, хотя знал, что этого лучше не делать. – Я сейчас зарабатываю приличные деньги. И у нас два холодильника.

– Какие деньги? Это разве деньги? У нас нет ни своей машины, ни дачи, и мы живем в квартире, которую подарил нам мой отец. Вот у Кости Хохлова есть деньги, его дура-жена каждый раз меняет бриллианты и не думает об испорченном холодильнике. Мне уже стыдно просить у моего старого отца деньги. И я надеваю мамины старые безделушки, которые сейчас носят уборщицы. И ты еще смеешь говорить, что зарабатываешь приличные деньги?

Зная, что ее уже не остановить, пошел в ванную. Завтракать тоже не стал. Она продолжала бушевать, обвиняя его во всех возможных грехах. Было грустно и неприятно. Но он поймал себя на мысли, что его уже давно не волнуют ее слова. И все ее оскорбления. Ведь у него уже полтора года есть Майя, и он может позволить себе оставаться равнодушным к любым словам своей супруги.

Глава 2

Он познакомился с ней два года назад. К ним в институт должен был приехать корреспондент популярной молодежной газеты, чтобы рассказать о работе их научного учреждения. Разумеется, статью надо согласовывать с заместителем директора института по режиму, который проверял ее на предмет сохранения секретности. Но в связи с резким увеличением военного бюджета на будущий год было принято решение рассказать о новых разработках в области обороны, и выбор пал именно на их институт. В это утро Намазова вызвал к себе Андрей Алексеевич Кондратенко, директор их института, которому недавно исполнилось семьдесят лет. У директора было прекрасное настроение: во-первых, увеличен бюджет почти на тридцать процентов, во-вторых, он стал академиком... Кондратенко считался серьезным ученым и умудрился ни с кем не конфликтовать в эти сложные годы, занимаясь своими разработками. Его коллеги почти единогласно избрали Андрея Алексеевича в состав академии. Кондратенко понимал и ценил Намазова, который в трудные годы не бросил науку. И считал Максуда одним из самых талантливых ученых в своем институте.

– Сегодня приедет корреспондент, которому разрешили написать про нас, – пояснил Кондратенко, – конечно, в рамках дозволенного. Я бы хотел, чтобы вы с ним встретились, Максуд Касумович, и рассказали о ваших последних успехах. Разумеется, в общих чертах. Я хотел поручить Альтману, который любит общаться с журналистами, но он улетел в командировку, и вы знаете, что он вернется только через две недели.

– Знаю, – улыбнулся Намазов. Альтман был не только его самым близким другом. Они трудились в соседних кабинетах, оба почти одновременно защитили докторские диссертации, оба оставались в институте в самые сложные времена. Оба женились в достаточно молодом возрасте. Супруга Альтмана сразу после дефолта ультимативно потребовала покинуть страну, и когда муж отказался, подала на развод, уехав в Израиль вместе с их сыном. Сейчас мальчик был уже большой и его призвали в израильскую армию. Это была постоянная тревога отца, который ежедневно звонил сыну, справляясь, как у него дела, и после каждого сообщения о конфликте на Ближнем Востоке доставал свой мобильник. Темы они разрабатывали общие и ездили в командировки на полигоны по очереди.

– В общем, вы сами все знаете. Приедет этот журналист, фамилия его Георгадзе, – посмотрел свои записи Кондратенко, – примите и переговорите с ним. Вы у нас лауреаты, вместе с Альтманом, можете немного рассказать о темах своих разработок...

– Хорошо, – кивнул Намазов, – когда он приедет?

– После перерыва, – вспомнил Кондратенко, – только примите его в нашем малом конференц-зале, а не у себя в кабинете. Но вы сами знаете наши требования. Его встретят и проведут для беседы с вами.

После обеденного перерыва Максуд прошел в малый конференц-зал, где сидела девушка: очевидно, лаборантка, которую прислали встретить корреспондента, недовольно подумал Намазов, словно он один не справится с этим корреспондентом. Он даже не смотрел в ее сторону, только сухо поздоровался. Наверное, из новеньких, в последние три года им существенно увеличили штаты. Возможно, она будет сидеть здесь, чтобы помогать ему во время интервью. Или помогать корреспонденту.

Он прошел к другому краю стола и посмотрел на часы. Уже третий час. Интересно, когда появится этот корреспондент? Почему он задерживается. Максуд начал просматривать свои бумаги.

– Извините, – услышал он голос незнакомки, – это вы господин Намазов.

– Да, – он поднял голову. И увидел ее глаза. У нее были красивые миндалевидные глаза. И умный взгляд.

– Я корреспондент, которая должна с вами встретиться, – пояснила незнакомка.
– Простите, – удивился Намазов, – мне говорили... Я думал... Георгадзе...
– Все правильно... Я корреспондент Майя Георгадзе.
– Да, – согласился Максуд, – А я думал, что вы наша новая лаборантка.
– Я так и поняла, – весело сказала она. У нее были коротко постриженные волосы, смешная челка и фигура подростка. Хотя по глазам было заметно, что она достаточно взрослый человек.

– Вы давно работаете в газете? – спросил он.
– Уже шесть лет. А до этого была специальным корреспондентом в другой газете, – она назвала молодежную газету, – вас смущает мой вид. Я знаю, что выгляжу моложе своих лет.

– Если можно, один личный вопрос с моей стороны до начала нашего разговора. Сколько вам лет? – спросил он, сознавая, что вопрос бестактный.

– Уже тридцать, – ответила она, – достаточно солидный возраст для вашего учреждения? Или нет? Как вы считаете?

Он засмеялся. Ему понравился ее ответ. Он думал ей гораздо меньше. Но ее выдавали глаза. У нее был внимательный, требовательный взгляд умной женщины.

– Садитесь поближе и задавайте ваши вопросы, – предложил Намазов.

– Спасибо, – она легко поднялась и пересела. У нее действительно была мальчишеская фигура, отметил он. Небольшие груди. Со стороны ее можно было принять за подростка. Она села рядом с ним. Достала магнитофон.

– Не возражаете?

– Нет. Но потом вы должны будете прислать ваше интервью, чтобы его проверили, – напомнил Намазов. – Извините, но у нас такие порядки.

– Меня предупреждали, – сказала она, – можете не беспокоиться. И меня предупредили, что вы один из самых известных ученых в этом институте. Можно один личный вопрос, до того как мы начнем интервью?

– Хотите узнать, сколько мне лет? – улыбнулся Намазов.

– Мне интересно.

– Много, – вздохнул он, – сорок семь. Вам кажусь старым динозавром.

– Не кокетничайте, – полушутя произнесла она, – вы хорошо сохранились для своего возраста. Занимаетесь спортом?

– В молодости играл в волейбол, – вспомнил он, – но сейчас уже давно не играю, хотя форму пытаюсь сохранить.

– У вас почти нет седых волос и отсутствует «пивной животик», – весело добавила Майя.

– Спасибо, – ему были приятны ее слова, – давайте ваши вопросы. Постараюсь ответить на них максимально честно. В пределах возможного...

Потом было интервью. Он действительно рассказывал ей довольно обстоятельно, не забывая о важности сохранения секретности некоторых моментов, которые он сознательно обходил. Ему было приятно видеть ее внимательный взгляд, отвечать на ее вопросы. Через час все закончилось.

– Благодарю вас, – она убрала магнитофон в сумку, – обещаю прислать вам это интервью на визу.

– Это не только мне, – признался Намазов.

– Я знаю, – кивнула Майя, – можно еще два личных вопроса?

– Давайте. Только потом я задам свои, – неожиданно для самого себя сказал он.

– Вы москвич?

– Уже много лет москвич. Я приехал сюда в семнадцать лет, поступать в МВТУ имени Баумана. А так как у меня была золотая медаль, то сразу после сдачи первого экзамена меня приняли. В восемьдесят шестом я получил распределение на работу в наш институт и уже два-

дцать пять лет здесь работаю, – вспомнил Максуд. – Сначала был младшим научным сотрудником, потом старшим, защитил кандидатскую, докторскую. Все как обычно. А какой второй вопрос?

– Вам не кажется, что в этой постоянности есть нечто от конформизма? – неожиданно спросила она. – Согласитесь, что столько времени работать в одном институте, когда за окнами меняются режимы, распадаются страны, происходят такие потрясения... А вы сидите здесь с восемьдесят шестого года. Только не обижайтесь на мой вопрос. Мне самой интересно. С вашим талантом и знаниями, да еще разрабатывая такие уникальные военные темы, вы могли стать очень обеспеченным человеком на Западе.

– Я никогда об этом не думал, – признался Намазов, – мне всегда нравилась моя работа, даже тогда, когда я получал здесь восемь долларов в месяц. В девяносто втором такая зарплата у нас была. Ничего, как-то смогли выжить. Хотя тех, кто ушел, я не осуждаю. Не все могли выдержать такой пресс. Это не конформизм, это нормальное увлечение делом, которым занимаешься. Если хотите, как любовь – одна на всю жизнь. Необязательно мотаться по разным работам или встречаться с разными женщинами. Некоторым везет в жизни, и они влюбляются только один раз. Мне повезло. Я выбрал интересную работу, которая стала любимой.

По ее глазам было заметно, что ей понравился его ответ. Он не мог ни заметить, как она прореагировала на его слова.

– Какие у вас вопросы? – в свою очередь, спросила Майя.

– Вы замужем? – Он бы никогда в жизни не поверил, что способен задать такой вопрос молодой женщине, которую видел впервые в жизни.

– Это имеет отношение к теме нашей статьи? – лукаво спросила она.

– Можете не отвечать, – пробормотал он.

– Нет, – честно ответила она, глядя ему в глаза, – мне повезло меньше. Видимо, я не такой однолюб. Ни в работе, ни в жизни. У меня был муж... А второй вопрос?

– Я могу вам позвонить? – спросил он.

– Конечно, – легко согласилась она, протягивая свою визитную карточку, – мне будет даже интересно. Никогда не встречалась с человеком, у которого есть такая страсть. Одна и на всю жизнь. В личной жизни вы тоже однолюб?

– Видимо, не совсем, – признался он.

Оба улыбнулись. Она забрала свою сумку и пошла к выходу. Обернулась и помахала ему ладошкой. Он остался сидеть на своем месте. И просидел так еще минут десять или немного больше. У него в жизни уже давно не было ничего подобного. С Ларисой он встречался в молодости, четко представляя, что никакого адюльтера или флирта не будет. Она ему по-своему нравилась, хотя он понимал, что не был влюблен. Но для кавказского мальчика, снимающего комнату на дальней окраине Москвы, женитьба на дочери такого известного ученого, как Вениамин Зайцев, была уникальным шансом...

Он понимал, что и Лариса не была в него особенно влюблена. Но ей нравился этот молодой, высокий, подтянутый, красивый кавказец, которому все в один голос сулили большое будущее. К тому же сказывалось влияние ее матери. Перед предварительным распределением стало понятно, что избежать вынужденной поездки в Казахстан учителем средней школы практически не удастся. Нужно было выбирать, и Лариса сделала правильный выбор, остановившись на нем и сама предложив оформить их отношения. Самое поразительное, что они так и не позволили себе никаких интимных встреч. Даже после того, как зарегистрировали свои отношения. Примерно через неделю после этого он пригласил ее в свою комнату и попытался поцеловать свою законную жену. Она не возражала, но, когда он попытался пойти еще дальше, она решительно возразила.

– Нет, – твердо произнесла Лариса, – только после свадьбы. У нас так принято. Надеюсь, ты понимаешь, что это просто неприлично. И пока не будет свадьбы, мы не будем с тобой делать этого.

Он не стал возражать. Потом, в течение нескольких месяцев, они еще несколько раз встречались в его однокомнатной квартире. Ласки становились все более откровенными... Наконец она позволила даже раздеть себя. Но по-прежнему не разрешала переступить грань, отделяющую ее от прежней девичьей жизни. Хотя было понятно, что ей самой интересны эти новые ощущения. За неделю до свадьбы она решилась... Нет, она не испытала особого восторга, но новые ощущения ей понравились. Потом была свадьба, их романтический период, когда они позволяли себе заниматься сексом почти каждую ночь. Но уже через несколько месяцев она обнаружила, что ждет ребенка. И сразу категорически отказалась от близости, пояснив, что это может повредить их будущему первенцу. После рождения ребенка почти через четыре месяца она разрешила очередную близость. Но затем начались потрясения начала девяностых, в доме почти не было денег и еды. Приходилось все время ждать помощи от ее отца. Это не могло не сказаться на их отношениях. Они все более и более отдалялись друг от друга... Ее выводила из себя инфантильность мужа, его нежелание сменить работу и зарабатывать деньги. Летом она уезжала на дачу к отцу, и иногда месяцами они не виделись. С годами близость происходила все реже и реже. Иногда раз в месяц, иногда раз в два месяца. Именно в тот год, когда он познакомился с Майей, у матери Ларисы нашли эту проклятую опухоль, и им стало уже не до секса. А Лариса чаще гостила у больной матери, чем оставалась дома.

За годы, пока они были женаты, он позволил себе изменить супруге только дважды. В первой раз это случилось в Киеве, куда он приехал в девяносто седьмом для встречи с коллегами и где познакомился с Кирой, которая сама проявила инициативу, буквально затащив его в постель. А второй случай был вообще курьезным. Они поехали в Санкт-Петербург с приехавшим из Новосибирска молодым человеком, сыном известного академика. Ночью после бурной попойки сын академика отправился на поиски острых ощущений и вернулся с двумя девицами, одну из которых благородно уступил своему коллеге. На следующее утро Намазов так и не мог вспомнить, как звали эту веселую девицу, за услуги которой они заплатили. Он даже не очень помнил саму встречу, все было в тумане, немного смешно и совсем не стыдно. Поэтому он даже не знал, можно ли считать такую встречу изменой супруге. Но больше никаких встреч с женщинами у него не было...

Встреча с Майей Георгадзе изменила его жизнь. Она позвонила ему сама через два дня и сообщила, что статья готова. Они договорились встретиться в каком-то небольшом кафе, рядом с институтом. Он хорошо помнил этот весенний день. На улице шел сильный дождь, и он беспокоился, что она не приедет. Но она появилась: растрепанная, мокрая, продрогшая. Без зонта она бежала под дождем, прикрываясь своей сумкой. Но обоим было весело. Она передала ему статью, и они договорились встретиться завтра, когда статью просмотрит их заместитель директора. В синем платье Майя походила на молодую женщину времен двадцатых годов. Когда она причесала мокрые волосы и села перед Намазовым, он честно признался, что она похожа на женщин Фицджеральда.

– Жеманные кокотки, – возразила Майя, – и Николь, и ее сестра Бэби из «Ночь нежна», а также Дэзи из «Великого Гэтсби». Да и к тому же достаточно практичные, особенно Бэби.

– Я бы не назвал Дэзи только жеманной кокоткой. Она умела постоять за себя, как и Бэби, – напомнил он.

Оба понимали друг друга. Встретить человека, знакомого с творчеством модного американского писателя середины прошлого века, даже в просвещенной Москве становилось все труднее и практически невозможно. Майя добавила:

– Мне больше нравятся дамы из сороковых, которые выживали и любили вопреки всему. Даже вопреки смерти. Ведь любят всегда вопреки. Разуму, обстоятельствам, времени, месту, иногда даже вопреки собственным желаниям. Разве вы так не считаете?

Его поразила эта фраза молодой женщины. Она глубоко по-своему понимала книги Фицджеральда... На следующий день он вернул ей статью, в которой почти не было никаких сокращений, и пригласил на ужин. Она согласно кивнула. Вечером они отправились в один из ресторанов, о которых он много слышал. Его удивили цены. Почти заоблачные. Но к этому времени финансирование института было налажено и на его счету в банке лежало около шести тысяч долларов. Счет за ужин составил около четырехсот долларов, далеко не самый крупный счет, который мог появиться на его столике после ужина.

Потом он провожал ее домой. Она жила недалеко от Белорусского вокзала, где у нее была своя двухкомнатная квартира. На удивленный вопрос своего спутника пояснила, что после смерти бабушки ей осталась ее квартира на Остоженке и еще однокомнатная квартира на Хорошевском шоссе, которую ей «любезно» оставил муж. Обменяв эти две квартиры, она переехала в старый дом у вокзала, почти в самом центре. Майя – коренная москвичка, ее прадедушка переехал сюда еще в начале прошлого века. Отец – грузин по отцу и осетин – по матери. У Майи три старших брата, и когда появилась она, в доме был настоящий праздник. Родители мечтали о девочке. Все это она рассказала ему во время ужина. Когда они подошли к дому, он поцеловал ей руку на прощание. Она повернулась, чтобы войти в дом. Затем, подумав несколько секунд, снова повернулась к нему.

– Я понимаю, что это звучит пошло и некрасиво, – призналась Майя. Но если я предложу вам подняться ко мне, вы не будете считать меня откровенной нахалкой?

Он молча покачал головой. Потом они долго поднимались по лестнице на четвертый этаж. И так же долго она открывала свои двери, словно перепутав ключи от своих двух замков. А потом они вошли в ее квартиру, он запер дверь и взглянул на нее. Дальше был долгий поцелуй. Он не помнил, как они раздевались, не помнил, как оказались в ее спальне. Но это была самая волнующая ночь в его жизни. В течение первого часа он даже не решался перейти к более тесному контакту, осыпая ее тело поцелуями. А потом была бешеная гонка, словно он решил взять реванш за все годы вынужденной паузы, и они неистово предавались любви, снова и снова позволяя себе увлекаться этой страстью. За окнами начиналось утро, когда оба, выдохшиеся и усталые, наконец заснули. Ему отчасти повезло. В эту ночь Лариса осталась у матери. Суббота... Проснувшись в двенадцатом часу дня, он с удивлением и вождением разглядывал тело молодой женщины, которая совсем не была похожа на подростка. А потом снова была бешеная гонка, он удивлялся своему темпераменту, словно дремавшему все эти годы.

Глава 3

С Майей он теперь встречался почти каждую неделю. Иногда позволяя себе даже оставаться у нее на ночь. Два или три раза его искала Лариса, которая не понимала, почему он не ночует дома. Выручал Альтман, который уверял, что Максуд только недавно вышел от него и оба были заняты разработкой новых научных проблем. Лариса перезванивала на мобильный, убеждалась, что все в порядке, и оставалась ночевать у отца. Однажды она вернулась домой, и ему пришлось срочно возвращаться, чтобы не разоблачить себя. Лариса даже не спросила, где он был, привычно сухо кивнув ему при встрече. А Майя обиделась и целых две недели не отвечала на его звонки, пока он не приехал в редакцию.

– Так дальше не может продолжаться, – убежденно произнесла Майя, – ты говорил мне, что уже давно не живешь с женой, но, как только она появляется дома, ты сразу бросаешь все и летишь обратно домой. Получается, что ты до сих пор зависишь от нее. Или ты мне врал, когда говорил о том, что у вас давно нет интимных отношений?

– Я говорил правду, – пробормотал Максуд, – мы давно живем как чужие люди. Она говорила, что нужно удачно выдать замуж Арину, и до ее свадьбы она не позволит себе разводиться. К тому же сейчас тяжело больна ее мать, и я не хотел бы взваливать на Ларису еще такое бремя, как наш развод. Можно немного потерпеть.

– Что с ее матерью? – спросила Майя.

– У нее онкология. В последней стадии, – пояснил Максуд, – врачи дают только несколько месяцев. Удивительно мужественная и стойкая женщина. Даже в такие дни она больше думает о наших отношениях, о счастье Арины, об устройстве своего сына в Америке, чем о самой себе.

– Я понимаю, – неожиданно тихо сказала Майя, отвернувшись, – у меня мама умерла четыре года назад из-за этой болезни. А в прошлом году папа женился снова. Поэтому меня так поразили твои слова об однолюбах. Мама его безумно любила, а он оказался не готов жить один. Ладно, не будем...

Больше они не говорили на эту тему. Через два месяца умерла мать Ларисы. А еще через два месяца Вениамин Платонович предложил Максуду разрешить удочерить Арину и сменить ей фамилию. Максуд ни разу не позволил себе сказать дочери, как ему было больно и неприятно услышать подобные слова от ее бабушки. С Ларисой говорить на эту тему просто бесполезно. Единственный человек, которому он признался, – была Майя. Она выслушала его и возмутилась.

– Почему ты ничего не говоришь своей дочери? – гневно спросила она. – В конце концов, это твоя дочь, и ты ее законный отец. Стукни кулаком по столу и скажи, что ты не разрешаешь ей менять фамилию.

– Любой юрист тебе объяснит, что совершеннолетний человек имеет право брать любую фамилию, в том числе и материнскую, – пояснил Максуд. – Я не хочу говорить с ней на эту тему, если она сама молчит. Просто очень неприятно, когда такое происходит в жизни. Хотя все давно шло именно к этому. В девятностые годы было слишком сложно выживать без помощи родителей Ларисы. Я принимал их помощь и уже тогда понимал, что нужно будет платить за эту поддержку. Сначала они забрали Арину, потом на лето с ними уезжала Лариса, затем Вениамин Платонович отправлял их в зарубежные туры, даже не предлагая мне присоединиться к ним, а я вынужден был молчать, ведь поездки оплачивал именно он. Нужно было тогда проявлять свою гордость, отказываясь от помощи. Но это было просто невозможно. Тогда нужно было бросить мою работу и ездить в Турцию на заработки с этими мешочниками. Для доктора наук это более чем унижительно.

– Я тебя понимаю, – вздохнула Майя.

Больше к этой теме они тоже не возвращались. Однажды он рискнул и предложил ей поехать на два дня в Прагу. Майя охотно согласилась. Ларисе он сообщил, что выезжает в командировку. Это был самый лучший уик-энд в его жизни. Два дня пролетели как одно мгновение. Домой он вернулся почти счастливым. И на следующий день Лариса сообщила ему, что Арина встречается с сыном высокопоставленного чиновника, который хочет познакомиться с родителями девушки.

– Он знает, что ты доктор наук и работаешь в каком-то научном закрытом институте, – добавила Лариса, – постарайся не говорить глупостей за столом и вообще лучше молчи, чтобы не позорить нашу дочку. И не надевай свои дешевые часы. Сейчас никто не носит часы дешевле двадцати-тридцати тысяч долларов. А твои часы стоят только семьсот долларов.

– Хорошо, не надену. Что еще? Одолжить у кого-нибудь приличный галстук? – разозлился Максуд.

– У тебя есть хороший галстук и новый костюм. Кстати, в последнее время ты явно стал лучше одеваться. Вот твой галстук в горошек мне очень нравится.

Максуд угрюмо кивнул. Он вспомнил, что этот галстук ему подарила Майя на день рождения. Через два дня они отправились на встречу с родителями молодого человека, который работал в международном управлении крупной нефтяной компании. Его отец был заместителем руководителя налоговой инспекции столицы. Они проживали в роскошном двухэтажном пентхаусе, и Лариса несколько раз незаметно толкала мужа в бок, чтобы он понимал, как именно должны жить состоятельные люди.

Отец жениха был толстым мужчиной среднего роста, среднего возраста и среднего ума. Он хохотал над собственными шутками и радовался жизни как ребенок. Уже через пять минут Максуду стало скучно с этим жизнерадостным толстяком, который умел делать деньги и совсем не знал ни мировой литературы, ни живописи, ни науки. «Для того чтобы в наше время быть счастливым и успешным человеком, необязательно знать Босха или Борхеса», – подумал Намазов. Можно прожить и без них, сделав хорошие деньги на работе в налоговой инспекции. В который раз он убеждался, что заработанные деньги никак не совпадают с интеллектом их обладателя. И если на Западе нужен был интеллект Гейтца или Джобса, чтобы стать очень богатым человеком, то в странах бывшего Союза достаточно получить хорошую должность и доступ к государственным бюджетным средствам...

Супруга хозяина дома была похожа на него. Еще более среднего ума и такая же круглая, благообразная, успешная, смешливая и счастливая. Когда появился молодой человек, Максуду захотелось расхохотаться. Это был клон родителей. Среднего роста, с круглым лицом, похожий на отца, такой же добродушный и счастливый. И такого же среднего ума. Арина была выше него на целых полголовы, она пошла ростом в Максуда.

«Интересно, что она нашла в этом придурке, – раздраженно подумал Максуд, – неужели ей комфортно рядом с таким болваном?»

Достаточно посмотреть в его пустые глаза, чтобы все понять.

И словно отвечая на его вопрос, Арина сообщила, что они были на выставке новых машин и Кирилл, так звали этого молодого человека, выбрал себе новую «Ауди», которую ему обещал купить отец.

– Он выбрал самую лучшую машину, – восторгалась дочка.

– А мы ее купим, – весело сообщил отец Кирилла, – он мне звонил и уже все рассказал. Я обещал купить ему любую машину, какую он сам захочет. А то неудобно ездить на обычном «Мерседесе» пятилетней давности.

И он расхохотался довольный своей шуткой. За ним засмеялась его жена, чей бочкообразный живот начал подниматься в такт смеху. Потом засмеялись Кирилл, Арина и Лариса. Максуд попытался улыбнуться. Он был здесь чужим, на этом «празднике жизни». Влияние самой Ларисы и ее практичного отца сказалось на Арине. Она не видела, каким пустым и глу-

пым был ее избранник. Она видела только новую машину и хорошую должность отца Кирилла. «Возможно, она поступает правильно», – подумал Максуд. Во всяком случае, он не будет жить на восемь долларов в месяц, занимаясь глупой наукой, и ждать помощи от родителей. Он даже испугался этой мысли. Значит – все напрасно? Напрасно он столько лет занимался наукой, которая не принесла ему ничего, кроме разочарований. Ни хорошей квартиры, ни успешных заработков, ни приличной машины. За это время он потерял свою дочь и выслушивал оскорбления со стороны своей жены. Может, нужно было вместе с Костей Хохловым торговать продуктами, чтобы стать богатым человеком? Может, тогда Арина и Лариса его больше бы уважали?

– О чем вы задумались? – радостно спросил отец Кирилла. – Пробуйте вино, мне говорили, что это хорошее французское вино. Из Бургундии. Кажется, мушкетер д'Артаньян был из Бургундии.

– Нет, – ответил Максуд, – он был из Гасконии. А бургундское вино они просто любили. Наступила секундная пауза.

– Значит, я ошибся, – весело согласился хозяин дома, и все снова заулыбались.

Лариса натянуто улыбнулась, Арина нахмурила брови. Максуд подумал, что напрасно поправил хозяина. Его дамам явно не понравилась подобная осведомленность.

– Мне говорили, что вы работаете на Министерство обороны, – добродушно продолжал хозяин квартиры.

– У нас институт занимается оборонными разработками, – пояснил Намазов.

– Это очень хорошо. Сейчас очень много денег выделяют на оборону, – сообщил отец Кирилла, – у нас в бюджете это главный приоритет.

Он сообщает это с таким видом, словно эти деньги должны были попасть в карман самого Намазова. Максуду стало даже смешно, но поправлять своего собеседника уже не хотелось.

– У нас на втором этаже четыре комнаты, – сообщила хозяйка, – мы хотели сделать две спальни, нам и Кириллушке, а еще библиотеку и домашний кинотеатр. Но решили сделать вместо библиотеки спортивный зал, где установили тренажеры. Нужно думать о своем здоровье в первую очередь.

– Конечно, – не удержался от сарказма Максуд, – тренажерный зал важнее всего.

Лариса прикусила губу, выразительно взглянув на него, чтобы он замолчал.

– У нас есть книги в кабинете, – показала в сторону кабинета хозяйка, – поэтому на втором этаже только две спальни. Но мы, конечно, можем убрать тренажеры и сделать комнату для ребенка, если у нас появится внук или внучка.

Все опять заулыбались, даже Лариса. Арина благосклонно кивнула. Мать Кирилла взглянула на мужа.

– Ариночка первый раз у нас дома, – напомнила она, – у тебя был какой-то небольшой подарок.

– Правильно, – согласился муж, – это подарок от нас. Кирилл еще успеет сделать свои подарки, – он поднялся и вышел в другую комнату. Вернулся через минуту с дорогим кулоном и повесил его на шею Арины. Максуд увидел, как счастливо улыбается дочь.

«Мещанка, – огорченно подумал он, – слишком много времени провела у Зайцевых. Хотя почему мещанка? Она хочет хорошо одеваться, носить дорогие украшения. Все понятно. Ну и черт с ним, что у них нет библиотеки, которую заменили на тренажерный зал. С их теле-сами им скорее нужен такой зал. Арина может быть гораздо счастливее с этим болваном и его родителями, чем с рефлексующим ученым, который не зарабатывает денег на такой кулон. Кажется, Вольтер говорил, что абсолютно счастливый человек должен иметь злое сердце, хороший желудок и совсем не иметь совести».

– Большое спасибо, – сказала Арина и даже поцеловала этого жирного борова в щеку, отчего тот пришел в полный восторг.

Лариса тоже счастливо улыбнулась. Максуд не захотел притворяться. Он поднял бокал и молча выпил свое вино.

Вечером Кирилл и Арина уехали на вечеринку в какой-то клуб, а Максуд и Лариса после ужина вышли ловить такси. Уже в салоне машины Лариса больно ударила в бок мужа.

– Совсем необязательно было демонстрировать свою ученость, – пробормотала она, – какая разница, откуда родом этот мушкетер. Воспитанные люди не перебивают хозяев и соглашаются с ними во всем.

– Даже если он ошибается? Он перепутал провинции.

– Какая разница, из какой провинции Франции этот мушкетер? – уже окончательно разозлилась Лариса. – От того, что ты знаешь название этой провинции, у тебя ума не прибавляется. И денег тоже. Ты видел, как живут умные люди. У них двухэтажная квартира и единственный сын. Нужно держаться за такого парня двумя руками. А ты лезешь со своими возражениями. Бога должен благодарить, что такой молодой человек оказался рядом с Ариной. Или ее тоже нужно выдавать за нищего, как меня? Найти какого-нибудь таджика или киргиза, который совсем не умеет говорить по-русски и живет в бараке. Ты хочешь, чтобы у Арины был такой муж? Чтобы она всю жизнь нищенствовала, как ее мать?

– Я не из барака, – устало возразил Максуд, – я все-таки доктор наук.

– Кому это нужно? Все твои дурацкие статьи и работы, они приносят нам деньги? Ты слышал, что ему покупает отец. И какой подарок он сделал нашей Арине. И ведь еще они не жених с невестой. Умные люди сделали себе состояние в девяностые годы, пока ты сидел в своем институте. Даже мой отец сумел сделать деньги в отличие от тебя.

– У твоего отца были зарубежные партнеры, – напомнил Максуд, – а наша тема была закрытой для зарубежных партнеров. И еще, твой папа всегда умело делал деньги. У меня не имелось таких талантов.

– Что у тебя было? – разозлилась Лариса. – Только твоя наука, которая не смогла обеспечить нам достойное существование. Ты подумай над этим. Ты сможешь дать дочке приличное приданое? Хорошо, что есть мой отец, который обещал все сделать. Он ведь ее удочерил, хотя всегда был ей настоящим отцом.

– Остановите машину, – потребовал Максуд.

– Не валяй дурака, – зло сказала она, вцепившись в него руками.

Водитель остановил машину.

– Езжайте, – крикнула она.

– Стойте, – приказал он.

Водитель обернулся к ним. Это был пожилой человек лет шестидесяти.

– Вы сами разберитесь друг с другом, – посоветовал он, – а потом решите, что мне делать.

Максуд вышел из салона машины, хлопнув дверью. И пошел в противоположную сторону.

– Домой можешь не приходить, – закричала ему вслед Лариса.

Машина тронулась с места. Он медленно шел по тротуару. Нужно было понимать, что визит в эту семью закончится скандалом. Разрыв между их доходами был слишком явным. Доктор наук, имеющий несколько патентов и научных открытий, не получал и сотой доли того, что имел чиновник средней руки, работающий в налоговой инспекции. Это было понятно еще до того, как они оказались в шикарной квартире. И с точки зрения самой Арины, ее матери и бабушки, это была блестящая партия, на которую нужно было немедленно соглашаться.

Максуд дошел до станции метро и спустился вниз. В этот вечер он демонстративно не пришел домой, отправившись к Майе. Он отключил свой мобильный телефон, только позвонил Леониду Альтману, попросил:

– Если будет звонить Лариса, скажи, что не знаешь, где я нахожусь.

– Нарочно нарываешься на скандал, – понял умный Леня.

– Да, – ответил Максуд, – рано или поздно я все равно должен буду расставить эти точки.

– По-моему, рано, – напомнил Альтман, – ты сам говорил, что вы ждете, когда решится вопрос Арины.

– Уже решился, – вздохнул Намазов, – там все будет хорошо. Теперь самое время подумать и о себе. Скажи, что ты не знаешь, где я нахожусь. И это будет правда.

– Поедешь к Майе? – Леонид был единственным человеком, который знал о существовании Майи.

– Может быть. Посмотрю. Счастливо...

– Подумай еще раз, – посоветовал Альтман, – прежде чем окончательно разрушать все мосты. Пока...

В эту ночь Максуд впервые приехал к Майе без предварительного звонка и остался до утра.

Глава 4

Конечно, Лариса звонила все время Альтману, требуя найти этого типа, который не приехал ночевать домой. И конечно, Леонид, как обычно, пытался выгораживать своего друга, говоря о том, что тот наверняка задержался в лаборатории, которая экранирована таким образом, что мобильные телефоны там не работают. Это была очередная выдумка Альтмана, но Лариса не успокаивалась, требуя найти мужа.

Утром, когда Намазов включил телефон, он обнаружил на нем больше тридцати вызовов со стороны Ларисы и четыре звонка своего тестя. Он перезвонил тестю.

– Доброе утро, Вениамин Платонович, – глухо произнес Максуд.

– Что происходит? – вместо приветствия спросил тесть. – Ты можешь мне объяснить? Всю ночь звонила твоя жена и не дала нам с Ариной заснуть. Жаловалась, что ты ее оскорбил и ушел из дома. По-моему, ты ведешь себя неразумно. Ты уже не мальчик, тебе почти пятьдесят. В этом возрасте люди обычно отвечают за свои поступки.

Намазов промолчал. Спорить не имело смысла. Тесть все равно будет на стороне дочери.

– Алло, ты меня слышишь? – строго спросил Зайцев.

– Слышу, – ответил Максуд, – что мне вам сказать? Разве вы не знаете свою дочь? Пока мы ехали в машине, она убедительно доказала мне, какое я ничтожество и как глупо было всю жизнь заниматься наукой, тогда как налоговая инспекция дает такой доход... Наверное, и мне нужно было идти в налоговую инспекцию или торговать просроченными продуктами, как мой друг Костя Хохлов.

– Нельзя так говорить, – гневно перебил его Зайцев, – ты сам знаешь, что можно быть вполне успешным человеком и занимаясь наукой. Я говорил недавно с вашим директором. Он уже совсем плох, болеет, потерял форму, собирается выйти на пенсию. Хочет остаться научным консультантом в институте. И у тебя появляются вполне определенные перспективы.

– Не понимаю...

– Он останется консультантом в институте. А директором рекомендует своего заместителя по науке. Теперь понимаешь, какие перспективы у тебя открываются?

– Не совсем.

– Тебя будут рекомендовать заместителем по науке, – пояснил Вениамин Платонович, – ты уже засиделся на своем месте. В тридцать четыре ты защитил докторскую и с тех пор никуда не продвигался. Пора подумать о карьере. А заместитель директора – это гарантированное членкорство в академии. Подумай об этом. Тебе пора выходить на новый уровень.

– И какое это имеет отношение к нашим разногласиям с Ларисой? – горько усмехнулся Максуд.

– Самое прямое, – рявкнул Зайцев, – или ты хочешь опозориться на старости лет? Не говоря уже о том, что ты подведешь Арину. О ней ты хотя бы подумал? Слухи поползут по всему городу. Отец девушки гулена. Только этого не хватало! А когда ты станешь заместителем директора по науке и еще членом-корреспондентом, то это уже будет более чем солидно. Твой будущий родственник будет относиться к тебе с гораздо большим уважением.

– А сейчас он меня не может уважать... Доктор наук и лауреат Государственной премии России для его уровня слишком мелко...

– Не говори глупостей, – мрачно посоветовал Вениамин Платонович. – Веди себя солидно, тебе скоро полтинник. Нужно будет намекнуть Кондратенко, чтобы послал на тебя представление. Ты вполне можешь получить орден. Учитывая, сколько у тебя изобретений и патентов. И Министерство обороны сможет поддержать. Я сам поговорю с Андреем Алексеевичем. Думаю, что он будет не против.

– И это все для того, чтобы я вернулся к Ларисе? – несколько вызывающе поинтересовался Намазов.

– Нет, для тебя, непутевого, – окончательно разозлился тесть, – ты не понимаешь, что именно происходит? Во-первых, дело касается в первую очередь Арины, твоей дочери...

«Она сейчас ваша дочь», – хотел поправить его Максуд, но промолчал.

– Девочка должна выйти замуж из семьи, где есть отец и мать, – продолжал Вениамин Платонович, – во-вторых, твоя репутация будет сильно подмочена, если выяснится, что доктор наук в твоём возрасте уходит из дома. И, наконец, в-третьих, подумай о самой Ларисе. Ей сейчас и так очень сложно. Только недавно потеряла мать, дочка на выданье, я болею. Она разрывается между двумя домами и иногда позволяет себе некоторые срывы. Я об этом тоже знаю. Ничего страшного. Вам обоим нужно быть терпимее друг к другу. И если один срывается, другой должен проявлять терпение. Неужели непонятно? Ты же не мальчик, а взрослый мужчина, уже сесть начал. Скоро внуки пойдут. Даже если у тебя есть куда уходить на ночь, то необязательно это делать так демонстративно. Нужно вести себя благоразумно. Скоро будет свадьба Арины, и никому не нужны скандалы. Подумай о своей дочери.

Майя вышла в коридор, откуда говорил Максуд, и молча смотрела на него. Намазов попрощался и убрал телефон в карман.

– В ход пошла «тяжелая артиллерия»? – усмехнулась Майя. – Предлагают тебе новые должности и новые возможности с условием твоего возвращения в семью? Все как обычно. Помнишь фильм с Филатовым, который становится директором, предавая свою девушку? Кажется, назывался «Мелодия для флейты»?

– Нет. «Забытая мелодия для флейты», – поправил ее Намазов. – Можешь не беспокоиться. Мне место директора никто не предложит, – он не стал уточнять, что тесть предлагал место заместителя директора, – это номенклатурная должность и меня должен будет утверждать министр, а не мой тесть. Он звонил не из-за этого.

– Уговаривал вернуться, – усмехнулась Майя.

– Нет. Говорил об Арине. У нее появился молодой человек. И его родители не возражают против их брака. И в такой момент бросать жену перед свадьбой – значит подвести свою семью.

– Так будет всегда, – убежденно произнесла Майя, – сначала ты не мог уйти из-за болезни тещи, потом из-за ее смерти, сейчас из-за свадьбы дочери. Потом появятся внуки. Ты напрасно считаешь, что я комплексую по этому поводу. Ни в коем случае. Я уже была замужем и знаю, что это не всегда так, как об этом пишут в романах. И еще я на тебя совсем не давя. Ты можешь жить как тебе хочется, как тебе удобно. Может, действительно твой тесть прав...

– Наверное, прав, – задумался Намазов, – и ты тоже права. Так дальше продолжаться не может. Лариса меня просто достала. Я начинаю иногда верить, что действительно неудачник, неумеющий устраиваться в этой жизни и зарабатывать. А как ты считаешь?

– Ты доктор наук и лауреат Государственной премии, – повторила его слова Майя, – и у тебя столько открытий и изобретений. Неужели недостаточно, чтобы чувствовать себя состоявшимся ученым? У тебя столько учеников, ты сам мне рассказывал. Двое из них уже сами доктора наук. И еще я люблю тебя. Разве этого мало, чтобы не чувствовать себя неудачником?

– Этого более чем достаточно, – улыбнулся Максуд, поцеловав ее в щеку, – ты просто молодец. Если бы даже у меня не было премии, то я бы считал себя лауреатом все равно. Ведь я получил в жизни такую премию, как ты.

– Не преувеличивай. В денежном эквиваленте я стою гораздо меньше, – лукаво заметила Майя, и они оба рассмеялись.

Ему было легко и просто с этой молодой женщиной, несмотря на достаточно ощутимую разницу в возрасте. С Ларисой, которая была младше него всего на три года, они существовали словно в разных веках... А ведь все, казалось, должно быть иначе. Лариса из семьи ученого, должна лучше понимать своего мужа. Но Зайцев не только ученый, а еще и делец. Иногда

такой тип людей встречается и в научной, и в творческой среде, когда достаточно талантливый человек умеет обращать свои таланты в звонкую монету. Это дано не всем творцам и не всем занимающимся наукой, но такие встречаются.

И сама Лариса выросла под влиянием своего отца. Она послушалась его, когда он рекомендовал ей выйти замуж за «черноглазого» парня, который в будущем может стать одним из столпов современной науки, как говорил Вениамин Платонович. К тому же ей так не хотелось ехать по распределению в Северный Казахстан, а начавшаяся перестройка и гласность не позволяли ее отцу вмешиваться без ощутимого ущерба для себя. Поэтому и был выбран вариант с замужеством. Но Лариса никогда не ценила мужа за его научные успехи и, по большому счету, не очень любила, лишь позволяя ему присутствовать в своей жизни. Все раздражение и обиду на этого «типа», который не стал «столпом науки», а оставался к пятидесяти годам только доктором наук и лауреатом Государственной премии, она вымещала скандалами и оскорблениями. Муж не сумел стать таким же деловым человеком, каким был ее отец, для этого у него явно не хватало нужных качеств...

В этот вечер Максуд вернулся домой, где его встретила сурово молчавшая Лариса. Она ничего не спросила и ничего не сказала, словно его ночное отсутствие было в порядке вещей. Еще одну ночь она осталась дома, а затем поехала присмотреть за Ариной, которая почти ежедневно встречалась с Кириллом.

Ровно через месяц после этих событий Кондратенко объявил о том, что сдает свою должность заместителю по науке, а на это место своим приказом назначает Максуда Намазова. Весь институт радовался за Максуда, здесь его не только искренне уважали, но и любили. Люди, в большинстве своем, прекрасно понимают и знают – кто и чего стоит. Как правило, в коллективах выносятся наиболее объективное мнение о том или ином сотруднике, тем более если он работает с ними четверть века. Притворяться столько времени практически невозможно. Люди по достоинству оценивают и научные достижения, независимо от занимаемой вами должности, и ваши человеческие качества. Сложно завоевывать уважение своих коллег, если они знают, что под научными разработками или трудами незаслуженно стоит ваша фамилия, если в патенты на изобретения также незаслуженно вписывают руководителей, если вы ведете себя непорядочно по отношению к нижестоящим и пытаетесь угодить вышестоящим. И если Хемингуэй считал, что совесть писателя должна быть такой же неизменной, как эталон метра в Париже, то в научном сообществе даже малейшее отклонение от этических и нравственных норм вызывает однозначную реакцию коллег, считающих подобное поведение недопустимым. Может, поэтому Вениамин Платонович, так вдохновенно и целенаправленно зарабатывающий деньги в восьмидесятые-девяностые годы, не пользовался особой любовью среди своих коллег. Его, конечно, уважали за научные достижения, которые у него были в молодости, уважали за деловую хватку и пробивные способности. Но не любили. Очевидно, что в погоне за успешными контрактами он иногда переходил грань, и это вызывало однозначное неприятие у его коллег.

Намазов въехал в новый кабинет, и теперь Альтман шутливо спрашивал у его секретаря разрешения зайти к самому Максуду Касумовичу. Новый кабинет был в три раза больше прежнего, и Намазов чувствовал в нем себя не вполне уютно. За много лет работы он привык к своему небольшому кабинету, рядом с которым находилась их лаборатория, где они могли работать, на месте проверяя свои предположения. Теперь ему нужно было спускаться на четыре этажа вниз, чтобы попасть в свою лабораторию и поговорить со своими сотрудниками. Сначала это его раздражало, потом начало мешать. Беготня по этажам казалась ему ненужной и вредной. Уже через несколько дней он просто пересел в кабинет Альтмана, принимая людей в своем кабинете наверху в утренние часы.

Буквально через несколько дней пришли сваты. Теперь Намазов был не просто доктором наук и лауреатом Государственной премии. Он был и чиновником, занимая пост заместителя

директора крупного научно-исследовательского оборонного института. Налоговый чиновник посчитал эту должность вполне приемлемой для своей семьи, и Максуду пришлось вытерпеть еще две встречи с этой парочкой «бегемотов», которые пригласили их для общения. Лариса была почти счастлива. Наконец муж получил хоть какую-то должность, и она теперь чувствовала себя гораздо увереннее, чем раньше. К тому же у Намазова существенно выросла зарплата.

Свое назначение он отметил с Майей и Альтманом, впервые сведя их вместе и пригласив в ресторан. Леониду понравилась молодая женщина, а ей он показался забавным и очень милым. Лысый, с остатками рыжих волос, скорее похожий на остроумного и смешливого конферансье, чем на серьезного доктора наук, Альтман весь вечер рассказывал анекдоты и мило шутил. Все трое смеялись. А на следующий день Леонид очень серьезно сказал своему другу:

– Потрясающая женщина. Не знаю, что она в тебе нашла. Сразу видно, что умница и сильный человек. «Штучный товар». Сейчас таких уже не делают. Ты молодец, Максуд, и я очень за тебя рад.

Он давно знал о существовании Майи, но познакомился только сейчас. В свою очередь, Майя сказала, что его друг не только очень приятный человек, но и очень глубокий психолог, который умеет понимать людей и чувствовать их настроение. Максуд был в восторге. Два самых близких ему человека не только понравились друг другу, но и оценили его выбор...

Казалось, что жизнь налаживается. Лариса почти не появлялась дома, занятая подготовкой предстоящих свадебных торжеств. В этом ей помогали две тетушки, сестры Вениамина Платоновича, и вся их многочисленная родня. К родственникам самого Намазова Лариса давно относилась достаточно прохладно. Она была в Махачкале только три раза, еще в самые молодые годы. Последний раз он уговорил ее поехать туда на свадьбу своего младшего брата. Ей не нравился ни сам город, ни его люди, ни родители Максуда, совсем не европейцы и не нашего круга, как говорила Лариса. Разумеется, Арину воспитывали в том же духе и она была в Махачкале только один раз, когда ей исполнилось пять лет. С тех пор она видела своих кавказских родственников только тогда, когда они появлялись в Москве. Лариса была категорически против подобных встреч. Учитывая сложное финансовое положение их семьи и зависимость от тестя, Максуд также не одобрял частых приездов своих родных. И в результате Арина последний раз увидела своего дедушку только двенадцать лет назад, когда он был в Москве со своим младшим сыном Васифом, братом Максуда.

Конечно, в число приглашенных на свадьбу родственников и друзей родные Максуда не вошли, так посчитала Лариса. Отец и мать были уже в пожилом возрасте и не смогли бы приехать на свадьбу, а остальных Лариса и ее отец просто не хотели видеть, полагая, что не нужно показывать всем этих людей гор, не умеющих обращаться со столовыми приборами. Максуд не возражал, он понимал, что дочь, постепенно отдаляясь от него, давно превратилась в чужого человека, действительно став дочерью Вениамина Платоновича.

На свадьбу приглашалось около трехсот гостей. Лариса была в ужасе, пытаясь сократить число приглашенных. Максуду было смешно слышать такие цифры. У него в родном городе свадьбы отмечали пятьсот-шестьсот гостей, и это считалось достаточно средним числом. На некоторых торжествах собирались до тысячи родственников и друзей молодоженов.

В тот день он планировал закончить к шести часам, уже вызвав служебную машину. Это была самая приятная привилегия новой должности Намазова. У него появилась служебная машина с водителем. Машина была не очень новым «Ниссаном», но он в полной мере оценил удобство и пользу от появления служебного автомобиля. Правда, на нем теперь больше ездила Лариса, считающая, что в магазины она должна ездить исключительно на служебном автомобиле, но он особенно и не возражал. На часах было без пятинадцати шесть, когда он начал собирать свои вещи. И в этот момент ему позвонила секретарь:

– Извините, Максуд Касумович, к вам пришли.

– Кто пришел? – посмотрев на часы, удивился Намазов. У них был режимный институт, и после пяти сюда вообще никого не пропускали.

– Говорит, что ваш двоюродный брат. Сулим, кажется, – пояснила девушка. – Позвонили снизу и сообщили, что к вам приехал этот человек.

– Может, Салим? – уточнил Намазов. – У меня есть такой двоюродный брат.

– Салим, – согласилась секретарь, – охранник спрашивает, что делать? Бюро пропусков уже закрыто, но если вы разрешите, он его проведет к вам.

– Не нужно, – ответил Максуд, – я сам к нему спущусь. Непонятно, почему он мне не позвонил? – подумал Намазов и только затем вспомнил, что совсем недавно поменял номер своего мобильного телефона. Конечно, Салим не мог знать об этом.

Намазов вышел из кабинета, закрыв дверь. Улыбнулся секретарю и пошел к кабине лифта. Он еще не подозревал, что уже через несколько минут его жизнь кардинально изменится.

Глава 5

Максуд вышел из кабины лифта и увидел своего двоюродного брата. Конечно, он его сразу узнал, хотя они не виделись уже больше десяти лет. Или даже немного больше. Кажется, двенадцать лет прошло с тех пор, как отслуживший в армии во внутренних войсках Салим Намазов ехал домой через Москву. Поразительно, что первые полтора года своей службы он провел на войне в самом буквальном смысле этого слова, когда на Дагестан пошли отряды сепаратистов из соседней Чечни и такие ребята, как Салим, встали стеной на пути агрессоров. Именно тогда проявилась твердость Путина, который оказался достаточно жестким и принципиальным премьером, чтобы суметь противостоять начавшейся войне в Дагестане. Позже, уже став президентом, он не изменит своему стилю, искренне полагая, что нельзя договариваться с террористами. Потом будут захват театра на Дубровке и невероятная трагедия в Беслане. Но повторения позора Буденновска Путин просто не допустит. Во всех случаях он предпочитает силовое решение проблемы, даже несмотря на невероятные жертвы, как в случае с бесланской школой. Пусть потом апологеты его правления будут говорить о случайно взорванной бомбе в школе и родителях, которые самостоятельно штурмовали здание, пытаясь освободить своих детей. Все профессионалы отдавали себе отчет в том, что Путин был явно не тем человеком, который сможет о чем-либо договариваться с людьми, захватившими школу с детьми.

В Израиле принят закон, запрещающий любые переговоры с террористами, захватившими заложников. Только уничтожение террористов любым путем, невзирая на жертвы. Об этом все знают, и поэтому смертники взрывают себя в автобусах, но никто не захватывает заложников, понимая, что этим невозможно добиться никаких требований. Неслыханная трагедия в Беслане, когда число жертв превышает любое разумное количество подобных потерь (а разве могут быть в таких обстоятельствах разумными потери детей?), тем не менее показала, что даже в таких условиях террористы обречены. Из двоих спасшихся одного разорвала толпа, а второго чудом спасли, чтобы попытаться узнать численность и состав группы.

Салим получил тяжелое ранение и три месяца лежал в госпитале, где его навещал Максуд. Затем Салима отправили в подмосковный санаторий, где он провел еще месяц на реабилитации. И только позже приехал в Москву, чтобы улететь отсюда в Махачкалу. Тогда он был молодой, худой, с выпирающим кадыком и бледным цветом лица, сразу после ранения. Теперь перед Максудом стоял крепыш с развитым торсом, коротко остриженный. Голова сидела на мощной шее, и кадык уже не выпирал, как раньше. Ему должно быть больше тридцати лет, подумал Максуд, радостно приветствуя родственника. Он знал, что его родственник служит теперь в системе судебных приставов. Он обнял его, расцеловал, пригласил на улицу, где уже находился его служебный автомобиль.

– Садись в машину, – пригласил Максуд.

– Нет, – возразил Салим, – я бы хотел поговорить с тобой без водителя. Мы можем немного погулять вокруг вашего здания?

– Можем, но не нужно вокруг здания, – улыбнулся Максуд, – пойдем в кафе, можем поговорить там.

– Лучше на улице, – упрямо повторил Салим, – мы можем пройти до парка, который в конце вашего квартала.

– Пойдем, – согласился несколько удивленный такой настойчивостью Максуд. Он сделал знак водителю, чтобы тот его ждал у здания института, а сам пошел за своим родственником по направлению к парку.

– Теперь объясни, что произошло? Для чего нужна такая секретность? – спросил, улыбаясь, Намазов. – Может, ты тоже устроился на работу в какой-то секретный институт?

– Убили моего отца, Максуд, – сообщил тяжелую новость Салим, – я хотел тебе об этом сказать.

Намазов остановился, нахмурился. Отец Салима Кадыр являлся младшим братом его отца, и они жили в селе Кафыркент, в семидесяти километрах от Махачкалы. Там, собственно, жили многие знакомые Намазовых. В этом селе многие годы совместно проживали азербайджанцы, лезгины и аварцы. Может, потому, что здесь было много шиитов, это село раньше называли Кяфуркент, что можно было перевести, как «село безбожников». Суниты не принимали и не понимали шиитов, которых было так много на юге. Но постепенно за селом укрепилось другое название – Кафыркент, тем более рядом с Буйнакском было довольно большое поселение, называемое Кафыр-Кумух.

– Соболезную, – вздохнул Максуд, – Пусть Аллах будет милостив к его душе.

– И к душам всех наших родственников, – традиционно ответил Салим.

– Как это случилось? – спросил Максуд. – Кто его убил? Когда? За что?

– Ты знаешь что-нибудь о нашей вражде с Асланхановыми? – вместо ответа спросил Салим.

– Слышал, когда был мальчиком, – вспомнил Максуд, – кажется, в девятнадцатом веке они были кровниками нашей семьи. Еще когда наши семьи жили в Закаталах. Потом некоторые переехали в Дагестан, но вражда продолжала существовать. Хотя это было очень давно. Но с тех пор прошло уже больше ста лет. Все забылось.

– Ничего не забылось, – возразил Салим, – разве тебе не говорили, что случилось в двадцатые годы, когда наши убили сразу троих людей из их рода?

– В двадцатые годы на Кавказе уже была советская власть, – напомнил Максуд, – и за кровную вражду очень строго наказывали.

– В двадцатые годы во многих горных селениях еще была кровная вражда, – возразил Салим, – а бабушка Асланхановых была из кистинов. Они приехали из Грузии. И с ней приехали ее братья. Двое братьев-кистинов. Ты знаешь, кто такие кистины?

– Немного знаю. Это мусульмане, проживающие в Северной Грузии. Некоторые считают их близкими к чеченцам, некоторые полагают, что это переселившиеся туда турки. Другие считают, что они просто грузины, принявшие мусульманство. Но, возможно, там все было перемешано. Хотя кистины носили грузинские фамилии. А почему ты спрашиваешь?

– По их обычаям кровник должен быть не просто уничтожен. Его должны убить на могиле того, кого он убил. Чтобы дух убитого родича успокоился, – пояснил Салим. – Двое братьев-кистинов похитили нашего прадедушку и его сына, брата нашего деда. Их убили прямо на могилах тех, кого убили наши родственники. Зарезали как баранов, – с нарастающим ожесточением произнес Салим.

– Подожди, – остановился Максуд, – о чем ты говоришь? Ты все перепутал. Наш прадедушка – это дедушка наших отцов. Твоего и моего. Он погиб вместе с сыном в автомобильной аварии. Так нам всегда рассказывал мой отец. Его еще не было на свете, когда погибли его прадедушка и брат его дедушки.

– Мне тоже рассказывали эту сказку, – кивнул Салим, – все дело в том, что наш дедушка уже тогда был партийным чиновником. Секретарем райкома партии. И он не мог рассказывать всем, что его отца и брата убили из-за кровной мести. Не мог и не хотел никому рассказывать. Иначе начались бы ненужные разговоры и расследования.

– Может, ты ошибаешься? – спросил Максуд, продолжая движение, наш дедушка действительно был секретарем райкома партии, и, конечно, он не стал бы поддерживать такое архаичное правило, как кровная месть. И, возможно, тебе просто рассказали какую-то сказку. Я ведь помню, что мы ездили на могилу к нашему прадедушке и брату дедушки. Если их убили кистины в другом месте, то откуда появились могилы?

– В них были только их вещи, – пояснил Салим, – дедушка сделал все, чтобы никто и ничего не заподозрил. Нарочно поставил обе могилы. Пустые могилы. А потом подал заявление и ушел с работы. Он был идейный коммунист и считал, что не имеет права оставаться на посту секретаря райкома. Ушел с работы, говорят, даже провел заседание бюро райкома, на котором просил освободить его от работы, так как он собирается уезжать в Москву, поступать в аспирантуру. Ему поверили и освободили от этой должности. В обкоме партии поддержали решение. А он взял ружье и уехал в горы. Вместе со своим братом. Они нашли обоих кистинов и застрелили их. А тела сбросили в ущелье, чтобы никто и никогда их не нашел. Потом их долго искали. Но тела не нашли, а наш дед никому не рассказывал, что он, бывший секретарь райкома, совершил кровную месть, наказав убийц своего отца и младшего брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.